

ЕЩЕ ВЕСНОЙ мы говорили о предстоящем 40-летию победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе, где в 1939 году он, молодой поэт Константин Симонов, принял боевое крещение. Маршал Жуков, который, как известно, командовал на Халхин-Голе советско-монгольскими войсками, называл эту операцию любимой. Симонов говорил, что Халхин-Гол был его первой школой войны.

В августе 1969 года К. М. Симонов возглавлял делегацию советских писателей на торжествах, посвященных 30-летию халхин-гольской победы: надо было видеть его молчаливое волнение, когда мы ходили вдоль берега памятной реки...

Естественно, что и на 40-летнем юбилее ему тоже очень хотелось побывать. Он к этому готовился — торопил с созданием нового сборника, посвященного этой дате. Советовал его редакторам, что именно печатать в нем. Задумал и вместе со своими друзьями — генералом Д. Ортенбергом, критиком А. Лазаревым и кинорежиссером М. Бабак сделать документальный фильм о Халхин-Голе...

Халхин-Гол он считал предтечей Великой Отечественной войны. Не удивительно, что этой битве были посвящены его, Константина Симонова, пьеса, роман, кинофильм...

И вот — апрель 1979 года. — Что же мы будем печатать в «ЛГ» к 40-летию Халхин-Гола, Константин Михайлович? — спросил я его в один из весенних дней.

— Надо подумать... Дата важная, событие серьезное. Конечно, следует напечатать что-то новое, неизвестное... Но я, кажется, уже все сказал о Халхин-Голе, что хотел и должен был сказать. Дай мне подумать, и, возможно, я посоветую «ЛГ» новый халхин-гольский материал... Хорошо?

— За совет спасибо, но без Симонова не обойтись!

— Ну, я ведь, кажется, уже все об этом написал...

— Нет, не все, — перебил я Симонова. — Напишите о своей первой военной газете «Героическая красноармейская», которая издавалась во время боев на Халхин-Голе, о том, как здесь сражались ваши товарищи по оружию — писатели и журналисты...

— Да, пожалуй, такого ракурса еще не было, — согласился Симонов. — Вспомнить Ставского, Лапина и Хацревиана... Подумаю... И насчет других авторов тоже.

Спустя неделю он позвонил: — Есть, по-моему, интересные халхин-гольские новинки... Во-первых, иркутский историк, профессор Иван Иванович Кузнецов долгие годы занимается поисками неведомых героев Халхин-Гола. Он всех разыскал, серьезно описал их — получилась интересная книжка. Она только что вышла в Улан-Баторе, разумеется, на монгольском языке — спасибо тамошним оперативным издателям. Я знаю содержание книги из писем Ивана Ивановича — очень интересно! Хорошо бы «ЛГ» поинтересоваться автором и его детищем — это раз! Во-вторых, недавно я узнал о том, что известный нам человек, химик по специальности, на Халхин-Голе, оказывается, командовал взводом. Командовал — и сорок лет об этом молчит... Любопытно, не правда ли? Наконец, надо разговаривать не менее известно-

го нам профессора Николая Трофимовича Федоренко — он ведь тоже халхинголец, но в последние десятилетия так увлекся японскими и китайскими записями, что, право, совсем забыл о лете 1939 года... Ну вот и получается «гвоздевая» полоса в «ЛГ».

— А что для нее напишет Симонов?

— Даст бог, поправлюсь, подумаю. Наверное, напишу о нашем халхин-гольском военном-литературном братстве... В общем, ты пока действуй, а позже мы еще поговорим об этом.

из двух бед (тяжело закашлялся и не договорил фразы)... Вот видишь, даже говорить трудно. — Что же будем делать?

— Сегодня у нас среда... В понедельник я лягу в больницу и оттуда тебе позвоню. Вчера мне было плохо, к вечеру поднялась температура, а сейчас вроде ничего... В общем, посмотрим. Время еще есть...

Он позвонил снова 25 июля и попросил меня приехать в больницу в субботу, 28 июля. Разумеется, в точно назначенный срок я был у него в палате. Симонов — в привыч-

ды. Болею я сейчас? Болею! Лежу в больнице? Лежу! Не будем хитрить и вертеться — так и напишем.

И начал диктовать: — Значит, статья будет называться так: «Перечитывая памятные страницы...». Или еще лучше так: «Перелистывая памятные страницы...»

Надо же так, как назло, случится, что именно в эти дни сорокалетия знаменитой битвы, вместо того чтобы быть там, на Халхин-Голе, мне приходится шагать взад и вперед по больничной палате...

Кстати, у них были и отличные стихи — найди и прочитай... Отменные были поэты! Впрочем, почему «были»? Есть!

Диктовал, словно возвращался с черных полей войны своих ушедших навечно друзей.

— Павел Трошкин, фотокорреспондент, мой единственный попутчик во фронтовых командировках, когда я не был старшим... Тут мы действовали с ним на равных. Бывало, сбавались, но это не мешало дружить... Чудесный парень! Смелый, отчаянный! И — душал!

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

28 июля, у Константина СИМОНОВА...

Он закашлялся. Мучительно и долго. Он кашлял так, что, право, не было сил это слышать: болезнь настигла его уже давно, несколько лет назад... Сам он никогда о ней не говорил и друзьям не позволял спрашивать. Но все видели, как он исхудал, как подтачивает его силы тяжкий недуг... Весной этого года у его близкого друга умерла жена. Мы собрались на кладбище хоронить ее. Все знали, что Симонов очень тяжело болеет, что ему плохо, и вдруг он появился. Пришел и все время кашлял. Извинительно отвернется и кашляет...

— Зачем вы приехали, Константин Михайлович? Ведь вам лежать надо...

— У друга умерла жена. Неужели в такой день я оставлю его одного? — ответил он мне.

В мае он поехал лечиться в Крым. Поехал, жил полтора месяца у моря. Мне передали от него привет и сообщили, что он не забыл о 40-летию халхин-гольской победы и о своем обещании. В середине июля он вернулся в Москву. К тому времени у нас в газете вышло твердое убеждение, что без статьи Симонова в этом случае не обойтись. К тому же в редакцию пришло несколько писем, адресованных Константину Михайловичу... Надо поговорить с ним. И вдруг звонит сам. Говорит глухо, тяжело:

— Я, к сожалению, вернулся нездоровым: Крым, увы, мне не помог... Ну да ладно о болячках. Как дела?

— Дел много, и они разные. Тут несколько писем пришло. Например, майор В. Павлов из Симферополя спрашивает писателя Симонова, не вернется ли он к событиям в Керчи в 1941—1942 годах?

— Будешь отвечать, напомни, пожалуйста, майору, что об этом я писал уже достаточно подробно, — у меня сейчас совсем иные планы... Кстати, посоветуй ему почитать хорошую книгу Николая Атарова...

...А теперь мы думали о предстоящем юбилее.

— Союз писателей СССР получил приглашение ЦК МНРП и правительства МНР направить в Улан-Батор делегацию на праздник, — сказал Симонов. — Конечно, хорошо бы поехать туда, но смогу ли я это сделать — не знаю. Здоровье, как видишь, у меня сейчас не слишком... Впрочем, через неделю определюсь.

Спустя неделю, 18 июля, мы снова говорили по телефону.

— Я совсем забыл, — глухо покашливая, признался Симонов, — ведь статью о Халхин-Голе, кроме «ЛГ», я обещал еще одному изданию...

— Как же быть?

— Конечно, мне проще всего сейчас ничего не делать, но

новой рабочей куртке. Негорливо шагает по палате. На подоконнике — несколько свежих книг, на небольшом столе — фарфоровый чайничек для заварки. Мало кашляет. Отругал меня за цветы — сказал, что он не дама, и перешел к делам.

— Ты говорил о моих давних халхин-гольских стихах...

— Да, о тех, которые печатались только в 1939 году, в «Героической красноармейской», и почему-то потом больше не публиковались...

— Я отобрал их, перечитал снова и сложил в эту зеленую папку. Ну, что сказать тебе — слабые стихи...

— Дайте почитать...

— Нет, я сам еще раз проверю себя. Попробую почитать вслух, хорошо? Сначала вот это — «Письмо бойца» (оно было напечатано в «ЛГ» 15 августа 1979 года).

...Читает. Очень волнуется, словно это только что, сейчас, сегодня, а не сорок лет назад написанные им строки...

— Ну как?

— Мне нравится... Просто хорошие стихи, и я их забираю для «ЛГ»...

— Согласен! Но обязательно напечатать сноску, что эти стихи 1939 года, что они родились на Халхин-Голе и с той поры больше не печатались...

— Сделаем, непременно сделаем...

Потом он читал другие, тоже давние, халхин-гольские, почти неведомые теперь стихи и тут же решительно забраковал их: — Нет-нет, это не годится. Не дам — и все! Одно стихотворение отдаю в «ЛГ» — и точка! А теперь займемся статьей... Где наша техника?

Достал диктофон, пленки, катушки, проверил их, о чем-то задумался и вдруг сказал:

— На днях под Сухуми заболела внучка: перитонит... Глухая ночь! Ребенка надо немедленно везти из селения в город. Я позвонил знакомым... И абхазцы, и грузины — верные друзья в беде: все сделали — вывезли, прооперировали, спасли девочку!

...Наконец он взял маленький микрофон. Умолк. Собрался. Минуты две-три о чем-то напряженно думал и начал диктовать статью о халхин-гольских боевых друзьях. Думает, говорит, словно с самим собой, печалится:

— Когда же это было? Неужели сорок лет назад? Да, тогда мы были молоды... А молодости уже не будет — многого не будет... И не надо! Ничего в жизни не должно повторяться! Не может и не должно... Так с чего же начнем? Начало — штука великая! Начнем с прав-

...Диктует. Кашель внезапно оставил его. Симонов глядит повыше моей головы в окно, за которым стоит жаркий московский день, и видит там, за стеклом, безбрежную степь, далекие сопки, холодные струи реки, у берегов которой ему суждено было пройти свои первые огненные университеты... Болен он. Тяжко, очень болен. Но чувствует долга властнее. Он занят сейчас делом, которое, кроме него, увы, уже никто не может сделать и которое он сейчас — я это слишком хорошо вижу! — с таким великим напряжением исполняет. Так он два с лишним часа диктовал статью в свою «ЛГ», которую — и это я хорошо и давно знаю! — нежно любил с давних пор. С тех пор, когда, еще будучи студентом Литературного института, впервые написал в «ЛГ» рецензию на роман некоего автора.

— Понимаешь, учился я тогда на втором курсе Литинститута, — рассказывал мне однажды Константин Михайлович. — До стипендии еще далеко, а в кармане ни шиша. Зашел к ребята в «ЛГ», мол-де, выручайте. Не дайте, братцы, помереть с голода... Поручили отрецензировать новое творение некоего романиста. Я быстро прочитал книгу и написал о ней. Принес рецензию в редакцию. Набрали, поставили в номер, напечатали. А через несколько дней автор романа пришел к редактору «ЛГ».

— Что же вы со мной сделали?! — возмущался романист. — Можно сказать, я пять лет в муках рожал это сочинение, а вы отдали его в руки неведомого студента, который к тому же половинки букв русского алфавита не произносит... Одним словом, зарезали меня...

...Симонов рассказывал и заливался: он уметь смеяться! И это он здорово умел... А сейчас через силу диктует свою статью, не думая, видимо, о том, что она станет последней его работой в литературе... Диктовка была медленной, трудной — автор мучительно подбирая слова. Молчал, снова диктовал. Ворочая фразу, подыскивая точные термины — с волнением вспоминал сейчас полевую редакцию в большой госпитальной палатке, донельзя жаркую монгольскую степь, те первые суровые бои... Вспоминал друзей-товарищей, с которыми впервые встретился на Халхин-Голе и с которыми потом встречался на Отечественной. Вспоминал Ставского и тот давний случай, в начале Отечественной, когда Сурнов и он, Симонов, ехали на встречу с ним, бригадным комиссаром Ставским...

— Где погиб Ставский? — вдруг спрашивает меня Симонов. — Под Невелем? Или в другом месте? Пожалуйста, проверь это...

Вспоминал Лапина и Хацревина:

— Первоклассные писатели!

...Он вспомнил всех павших — наступил черед живых.

— Ну что ты еще от меня хочешь? О живых друзьях?.. Но ведь они живы, и, как говорится, слава богу. И все-таки, наверное, кое-что надо сказать и о них...

Снова берет микрофон и продолжает диктовать — медленно, трудно, «переписывая» фразу за фразой: Лев Славин, Павел Трояновский, Михаил Певзнер (других не назвал: «Я мало знал тех — не могу...»).

...Я пришел ровно в четыре. Уже шесть пятнадцать... Вдруг стук в дверь.

— Войдите!

С цветами, яблоками и баночкой домашнего варенья ввалился один из его давних друзей-поэтов...

Симонов вроде обрадовался:

— Ну вот и хорошо: будем считать, что халхин-гольская статья для «ЛГ» уже родилась... Только я прошу непременно, ну, просто обязательно, прислать мне гранки, а затем — и это тоже непременно! — сверстную полосу.

...Как было условлено — так было сделано: первого августа я послал ему гранки статьи, а назавтра, 2 августа, получил их обратно со следующей «резолюцией», выведенной алым фломастером:

«Н. И. Мару.

Читал! Правил!

Прошу... переслать мне в верстке.

Прошу проверить «Невель», 2.VIII.79.

К. СИМОНОВ.

«Невель»... Проверили: да,

все было именно так!

На гранке со стихами «Письмо бойца» тем же алым фломастером была выведена вторая «резолюция»:

«...Читал, правил.

Прошу давать стихи только в сопровождении того или иного соседствующего клише, из которого для всякого будет ясно, что это печаталось в «Героической красноармейской», тогда.

Врезки для этого мало, их не все читают. Без клише стихов прошу вообще не печатать.

2.VIII.79.

К. СИМОНОВ.

14 августа мы послали ему сверстную полосу, и он ее тоже успел прочитать и завизировать... Разумеется, все пожелания автора были исполнены. Могла ли иначе поступить газета, которую автор публикуемых статей и стихов когда-то сам редактировал и которая, по его собственному признанию, составила важную часть его литературной жизни?!

Статья в «ЛГ» о друзьях по Халхин-Голе была последней его литературной работой. Она была напечатана 15 августа, а утром 28 августа его не стало...

Наум МАР